

Эпилог

(или бонус-трек, если угодно)

Три года, старик.

Три года я рассказывал о послевоенных индейцах, первой любви и первой смерти, как они стали студентами и оказались товарищами офицерами на уже забытой войне — и впереди им становиться настоящими инженерами Звёздных войн.

Знаешь...

Когда-то, сто лет назад, восторженно предвкушая пижонский ответ, я спросил отца: «Пап, а ты был стилигой?» Он затянулся сигаретой, помолчал и ответил, будто извиняясь: «Нет, сын, не был». Я как-то даже не поверил. С детства я слышал, как они с мамой твистовали в клубе имени Капранова, о Ленинграде, о мамином твисте на комбайне, о пластинках Яктыка Абрамыча, моего двоюродного дядьки: «Да как же, пап?» — «А вот так, сынок. Денег не было. Ты знаешь, сколько австрийские туфли стоили? Мою месячную зарплату ученика плотника. И рубашка. И брюки. Вот и научился работать. А стилигами богатенькие были».

Потом, когда отца не стало, мама рассказала много.

Только я уже научился не задавать глупые вопросы. Хотя можно было — мамы всегда прощают глупых своих сыновей.

Я хотел рассказать о танцах и веселье, а видишь, что получилось в этих трёх романах. Своевольные они, героини книг, — сильные, самостоятельные, себе на уме трудяги, сами всё прожили. Только успевал за ними вдогонку жить, только успевал записывать то, что придумалось. Это простая жизнь. Обычная, не парадная, не из Дома на набережной увиденная. Эта жизнь — она с намозоленными руками, открытыми душами и взглядами.

Ну, что молчишь? Хочешь знать, что дальше будет?

А дальше... А дальше они будут строить Большую страну — смело, радостно и упорно. По-другому они жить не умеют — дети фронтовиков, дети Победы. И ведь построят — для нас.

А те, кто не строил, назовут их труд застоем.

Время придёт, и я расскажу новую историю.

А совсем уж напоследок...

Ты видел кадры американской хроники, как американские войска покидали Сайгон? Последний день эвакуации. Ужас, как вспомню этих девчонок, тех, кто жил с американскими ребятами, как они, девчонки эти, рыдали, кричали и бросали своих детишек через плечи военных полицейских, через ограду посольства, чтобы хоть детей спасти.

Помнишь эти кадры? А ещё найди ролик о входе коммунистических вьетнамцев в Сайгон.

Я на всю жизнь запомнил.

Ревущий танк. Наш советский танк, облепленный ликующими победителями, врывается в ворота, мчится по территории посольства и останавливается у входа. Обязательно найди кадры, как вьетконговцы бросились внутрь здания. И ты увидишь то, что увидел майор ЦРУ Джеффри Баррет на секретной хронике 1 мая 1975 года.

Вернее, кого.

Того, кто первым вошёл в американское посольство.

Майор попросил фотослужбу отобрать лучшие кадры. А на них — худощавый, с тоненькими противными усиками вьетконговский офицер.

В тот день майор напился. Он никак не мог понять, что делал во Вьетнаме этот мальчишка-переводчик из «Штази», которого лейтенант Баррет запомнил во время своего плена на Кубе. Понимаешь, кто это был? Ты догадливый, старик.

Санечка Козицын.

А ещё... А ещё расскажу о том, как придумал свою чудо-машину Вовочка Мышкин по прозвищу Крупнокалиберный Мыш и как плакал он в кабинете всесильного Косыгина. Как Вася Очеретня искал свою любовь... И нашёл ведь! О министерском работнике Толе Серове и упорных мечтах его. И о том,

как влюблённые Зоська и Алёшка запустили свои ракеты и как кричали на всю пустыню от восторга.

Они уходят. Начали уходить. Они уже седые, полные, уставшие, у них в сумках приборы измерения давления и валидол в карманах. Они так много сделали и так много потеряли. Но, старик, если случайно услышат они по радио дикий вопль Чабби Чеккера, ты увидишь, как загорятся глаза, как прищёлкнут пальцы — и сделают они несколько своих лучших синкоп, станцуют свой лучший твист, пусть даже завтра вся скорая сойдёт с ума.

Немного жаль ставить точку.

Люблю я их.

Очень.

Конец